

ПРОБЛЕМА ДЕКОДИРОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА С. ЦВЕЙГА)

С. С. Субботенко

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 31 января 2017 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме перевода дневниковой прозы. Рассматривается проблема имплицитности дневниковых записей в переводческом аспекте. Анализируются случаи, когда имплицитная информация затрудняет понимание и перевод текста, а также предлагаются варианты переводческих решений. Материалом для статьи послужил дневник австрийского писателя Стефана Цвейга.

Ключевые слова: дневниковая проза, перевод, имплицитная информация, аллюзия, полисемия, фоновые знания.

Abstract: the article is devoted to the issue of diary prose translation. The problem of diary notes implicitness in the translation aspect is considered. In the article the cases when the implicit information makes it difficult to understand and translate the text are analyzed and the alternative translations are suggested. The study is based on the translations of the diary of the Austrian writer Stefan Zweig.

Key words: diary prose, translation, implicit information, allusion, polysemy, background knowledge.

Обращение к проблеме имплицитности в аспекте перевода обусловлено необходимостью проанализировать речевые ситуации, когда декодирование имплицитной информации имеет существенное значение для понимания общего речевого смысла высказывания. Компонентами речевого смысла высказывания, согласно В. А. Бондарко, являются языковое содержание, контекстуальная информация, ситуативная информация, энциклопедическая информация (фоновые знания) и прагматические элементы дискурса [1, с. 24]. Таким образом, речевой смысл сообщения представляет собой совокупность смыслов, соответственно, отсутствие одного или нескольких компонентов способно значительно повлиять на восприятие высказывания адресатом.

Дневниковая проза в этом плане представляет особый интерес, поскольку существует на стыке публицистического и художественного стилей, каждый из которых по-своему стремится к кодировке смыслов. А. В. Лашкевич, характеризуя дневниковую прозу, указывает, что в структуре дневника пересекаются «формально-содержательные элементы <...> журнальной публицистики, политико-идеологической пропаганды, морально-религиозной проповеди, художественной литературы» [2, с. 20]. М. М. Бахтин считает, что дневник во многом схож с самоотчетом-исповедью и биографией. «Исповедальный тон часто врывается в биографическое самодавление жизни и ее выражение в эпоху раннего Возрождения.

Но победа остается за биографической ценностью. Такое столкновение, борьбу, компромиссы или победу того или иного начала мы наблюдаем в дневниках нового времени. Дневники бывают то исповедальными, то биографическими...» [3, с. 171].

Таким образом, дневниковая проза представляет собой сложное и многоаспектное явление, сочетающее в себе черты двух функциональных стилей. С одной стороны, это информативность, отражение реальных фактов действительности под определенным углом зрения, с другой – свободное выражение личности автора, порой отсутствие внутренней логики и опоры на базовую информацию. Помимо этого сложность дневниковых записей обусловлена размытостью коммуникативной целеустановки. Основная, внешняя коммуникативная целеустановка – рассказать о событиях в определенной последовательности и дать им субъективную оценку – смешивается со второй, скрытой целеустановкой. Последняя заключается в том, чтобы показать процесс развития личности автора дневника, отразить влияние событий и фактов на его индивидуальность.

В отличие от художественного текста, где автор использует имплицитную информацию как средство воздействия на внутренний мир читателя, в дневниковой прозе имплицитность не является намеренной. Она связана с изначальной коммуникативной сущностью дневника, который, как правило, не предназначен для публикации, поэтому автор не находит нужным разъяснять читателю какие-то детали. Отсутствии адресата ведет к тому, что значительная часть

информации остается за рамками текста. Таким образом, имплицитный характер дневниковых записей выражается, прежде всего, в недостатке фоновых знаний, что затрудняет понимание текста и, соответственно, представляет проблему для переводчика. Рассмотрение проблемы имплицитности в переводческом аспекте позволит не только определить возможные принципы перевода дневниковой прозы, содержащей имплицитную информацию, но и выявить общие закономерности организации дневниковых записей, а также возможности работы над переводом других текстов, для которых характерна информационная имплицитность.

Материалом для данной статьи послужил личный дневник австрийского писателя Стефана Цвейга. Анализ содержащейся в тексте дневника имплицитной информации позволил выявить две основные речевые ситуации, когда недостаток речевого смысла создает трудности при выборе переводческого эквивалента:

1) недостаток энциклопедической информации (ссылки на малоизвестные исторические события или упоминания исторических личностей в непривычном контексте);

2) недостаток ситуативной или контекстуальной информации (ссылки на события личной жизни автора).

Важным фактором, обуславливающим имплицитность, в рассматриваемом случае является личность автора. В личном дневнике писателя почти неизбежны интертекстуальные ссылки (аллюзии), для понимания которых требуются дополнительные источники информации. Так, в следующем примере содержится литературная аллюзия, автор употребляет выражение, происхождение которого относится ко временам Мартина Лютера, позднее оно используется Г. Гриммельсгаузенем:

22. September Erbitterung ist das einzige Gefühl: seit sechs Jahren bereitet man diesen Stoß vor, stellt ein Ultimatum "Friss, Vogel, oder stirb" und muss sich dann "abwartend" verhalten.

Фраза «Friss, Vogel, oder stirb» подразумевает давление на кого-то, оказавшегося в безвыходной ситуации, отсутствие альтернативы. Пойманная птица вынуждена есть предложенный корм, чтобы не умереть. В русском языке отсутствует соответствующее устойчивое выражение, кроме того, аллюзивный характер высказывания при буквальном переводе останется непонятным, поскольку данная аллюзия в целом ограничена рамками национальной культуры. На этом основании представляется возможным использовать генерализацию и выбрать вариант, который позволяет избежать смысловых потерь. Тем не менее в этом случае теряется глубина и отчасти эмоциональность, свойственные оригиналу:

Горечь – единственное чувство: шесть лет готовить этот удар, предъявить ультиматум: «Покорись или умри», а потом занять «выжидательную позицию» (перевод наш. – С. С.).

Следующая запись является примером исторической аллюзии:

11. September 1914 Die ganze Idiotie unserer Verwaltung, das Ewig-Vormärzliche unserer Zensur wird aus solchem Unsinn furchtbar klar.

Прилагательное «vormärzlich» образовано от существительного «Vormärz», которое обозначает исторический период в Германии с 1815 до мартовской революции 1848 г. Подтекст состоит в том, что принципы цензуры давно устарели. Наиболее близким по значению понятием в русском языке является прилагательное «дореволюционный», в основе которого лежит сходный семантический признак. Однако данное понятие относится к другому историческому периоду в другой стране и связано с другим историческим событием. На наш взгляд, использование данного эквивалента может вызвать у читателя ненужные ассоциации. Тем не менее существует прилагательное, номинация которого основана на другом признаке, но которое позволяет не только избежать смысловых потерь, но и сохранить аллюзивность высказывания. В предложенном варианте перевода историческая аллюзия заменяется на библейскую, последняя имеет более универсальный характер:

Вся глупость нашего правительства, вечная допотопность нашей цензуры предстают на фоне этого абсурда с ужасающей ясностью (перевод наш. – С. С.).

Главная сложность состоит в том, что не всегда удастся декодировать имплицитную информацию с помощью справочной литературы. Так, в следующем примере присутствует игра слов, построенная на имени собственном:

Dienstag, 22. September 1914 Leonhardt Adelt vom Kriegspressequartier ist für ein paar Tage zurück. Er erzählt böse Dinge von der Demoralisation: der Oberst H. und sein Stellvertreter haben sich ihre "Bräute" und Frauen hinbestellt, die auf Staatskosten mithalten und den meisten Platz wegnehmen. Beim Rückzug wurde das Pressequartier beinahe "vergessen", der ganze Troß von 400 Mann rettete sich mit Mühe und Not, "Auffeles" – so spricht man von dem siegreichen Commandanten!

Под «победоносным командиром» предположительно имеется в виду Мориц Ауффенберг фон Комаров, командующий 4-й австрийской армией, который был отстранен от командования в октябре 1914 г. Общая тональность записи говорит о негативно-презрительном отношении и о том, что прилагательное «siegreich» употребляется в ироничном значении. Можно предположить, что обыгрывается второй, «говорящий» компонент фамилии «-berg» – «гора».

Однако ни словари, ни справочная литература не могут это подтвердить. В связи с этим представляется, что оптимальным вариантом будет смысловое развитие, которое логически вытекает из контекста и позволяет сохранить общую семантику высказывания:

*Вторник, 22 сентября 1914. На несколько дней вернулся Леонгардт Адельт из военной пресс-службы. Рассказывает скверные вещи о деморализации: полковник Г. и его заместитель выписали своих «невест» и женщин, которых живут там за счет государства и занимают большую часть места. При отступлении пресс-службу чуть не «забыли», целый обоз и 400 человек вынуждены были спасаться из последних сил, **насмешки и презрение** – вот что сейчас достается победоносному командиру!* (перевод наш. – С. С.).

Имплицитный характер дневниковых записей проявляется, в частности, в телеграфном стиле изложения, ср.:

Donnerstag, 10. Dezember 1914 Unangenehm diese Anlegrafferei Potiorek, Ehrendoktorat, ehe noch etwas entschieden ist, ebenso lächerlich die Ernennung Erz. Frchs. zum Feldmarschall, nur als Pendant zu Hindenburg, aber leider ganz ohne die Analogie der Leistung.

Данная запись отличается отрывочностью, недосказанностью, экспрессивностью, что на уровне языка выражается в пропущенных глаголах-связках, преобладании именных частей речи, сокращенном имени и титуле. Отрицательное отношение угадывается не только благодаря эпитетам (*unangenehm, lächerlich*), но и за счет суффикса *-erei*, который придает негативное значение существительному. Поскольку причина отрицательного отношения остается за рамками текста, а в способы словообразования в русском языке не позволяют в данном случае создать существительное с аналогичной коннотацией, приходится передавать значение путем добавления слова, имеющего негативную семантику. В синтаксическом плане имплицитность в переводе передается при помощи номинативного перечисления, отглагольных существительных:

Четверг, 10 декабря, 1914. Неприятна эта возня Потioreка с телеграммами, присуждение почетной докторской степени, когда еще ничего не решено, так же смехотворно, как и назначение эрцг. Фрид. фельдмаршалом, разве что в помощь Гинденбургу, да только успехи не те (перевод наш. – С. С.).

При переводе рассмотренных выше примеров необходимую информацию в большинстве случаев удается извлечь из дополнительных источников, справочников. Иначе обстоит ситуация, когда речь идет о семейных обстоятельствах, фактах, которые не освещались в биографической литературе, ср.:

29. Juli 1915 Arbeit. Durch die Affäre meines Bruders komme ich nicht dazu, mich meiner Freiheit zu freuen.

Существительное «die Affäre» является полисемичным (возможный перевод: *дело, любовное приключение, скандальная история, происшествие, судебный процесс*). Микроконтекст данной записи не дает возможности определить правильное значение. Однако записи, сделанные в предшествующие месяцы, позволяют заключить, что у брата С. Цвейга были проблемы на службе. В данном случае проблема решается за счет макроконтекста. Поскольку подробности не упоминаются, представляется, что для адекватного перевода уместно будет воспользоваться приемом глобализации («история», «проблема» и т. п.), ср.:

Из-за этой истории с братом не успеваю порадоваться собственной свободе (перевод наш. – С. С.).

Реже встречаются случаи, когда как микро-, так и в макроконтексте отсутствуют любые внутритекстовые ссылки, позволяющие понять описываемую ситуацию:

16. Oktober 1915 Entsetzlich die Dinge zu Hause. Dieser Kampf mit M. um den Abgang.

Указанная вместо имени начальная буква М. не дает представления ни о половой принадлежности личности, ни о ее месте в жизни автора дневника, понятно только, что речь идет о семейных проблемах. Между тем при выборе между вариантами перевода существительного «*der Kampf*» (борьба, битва, состязание, бой, ссора, конфликт и т. д.) уместно было бы опираться на гендерные характеристики. Существительное «*der Abgang*» тоже является полисемичным, возможные варианты перевода: *уход, потеря, расходы, пропажа, нехватка, отправление, убыток, сбыт*. Незнание ситуации позволяет основывать перевод только на догадках. Для уточнения данного перевода требуется дополнительная контекстуальная и ситуативная информация.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что задачей переводчика при работе с дневниковой прозой является поиск дополнительных источников информации, декодирование межтекстуальных и внутритекстуальных связей. Недостаток фоновых знаний или понимания ситуации и контекста влечет за собой трудности при передаче общего смысла высказывания. Наиболее часто используемыми трансформациями в процессе перевода являются лексико-семантические замены (генерализация) и смысловое развитие. При этом следует учитывать, что перевод должен максимально отражать качества оригинала, а имплицитность является одной из основных характеристик дневниковой прозы. Поэтому переводчик должен избегать чрезмерной экспликации, воздерживаться от попыток

разъяснить читателю ту или иную информацию, сделать текст более «прозрачным». В большинстве случаев расшифровка имплицитной информации нужна не читателю, а самому переводчику, поскольку без этого невозможно адекватно передать общую семантику оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики / А. В. Бон-

дарко // Семантико-дискурсивные исследования языка : эксплицитность / имплицитность выражения смыслов : материалы Междунар. науч. конф. – Калининград, 2006. – С. 22–33.

2. Лашкевич А. В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации : монография / А. В. Лашкевич. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2014. – 174 с.

3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 333 с.

Курский государственный университет

*Субботенко С. С., кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии*

E-mail: swetlana30@mail.ru

Тел.: 8-920-723-90-30

Kursk State University

*Subbotenko S. S., Candidate of Philology, Associate
Professor of the German Philology Department*

E-mail: swetlana30@mail.ru

Tel.: 8-920-723-90-30